

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 15 августа 1987

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 15 de agosto de 1987

№ 1933

А. ПАНЧЕНКО

ДИСКУССИЯ О БУДУЩЕМ УСТРОЙСТВЕ ГОСУДАРСТВА

ПОХОД В "ПОСЛЕ"

Раз в Крещенский вечерок
Девушки гадали
За ворота бабмачек
Сняв с ноги бросали...
Жуковский

"Путается все. Все запутано в прошлом, все перепутано в настоящем и ничто не ясно в будущем, так что же мы должны делать после большевиков?"

Восстанавливать монархию Николая II или Алексея Михайловича? Республику или новгородскому или керенскому образцу? Какой-нибудь вариант советской власти по бухаринскому или солидаристскому образцу? Или совсем просто протянуть свои окостенелые руки к каким-то новым варягам: земля наша велика и обильна, а мозгов у ней нет, придите, уж как-нибудь княжить нами?.. (И. Солоневич, "Народная Монархия", стр. 137, издание 1973 года).

Насчет нехватки "мозгов" — по аналогии — Суворов говорил, что если сил у нас не хватает "то у себя же и займем". Для этого элементарно важно: видеть справа таким как он есть, а не как чудело по своему собственному воображению и "рецепту". Ну и с нашим славным прошлым нужно обращаться бережно. Но что же делать прежде чем рекомендовать нашему народу "протягивать окостенелые руки"?.. Эр-то ке?

Начнем с аксиомы: слон двигает хвостом — а не наоборот. Хвост не должен отмахиваться слонком, даже от мух. Честь для целого. Эмиграция для России, а не наоборот. Мы можем что-то предлагать, но отнюдь не решать. Если же у нас самих "путается все", то представляется очевидной необходимостью: распутать запутанное — в прошлом, настоящем и будущем. Начнем с подхода, с методной мудрости и портняжное искусство учат: "семь раз отмерь, один раз отрежь". При "рубке" надо быть еще осторожнее, помня нашу натуру, по графу А. К. Толстому "коль рубить, так уж сплеча", но и "коль бранить, так уж за дело", а не так, "на всякий случай". Не надо забывать и право на "первый камень". У кого оно есть? Что мы сами конкретно сделали для России (не эмиграции) за эти последние годы или за десять или пятьдесят лет? Скромность должна нас сдерживать, чтобы не мыслить под: "Эй ухнем!"

Тем более зловредно ругать и чернить личности "за ничто", особенно соратников по общей борьбе, подрывать авторитеты Государей и Государынь, государственных деятелей, славных военачальников... Сплеча по нашему дворянству, интеллигенции, клемя всех и вся под родное: "Эй ухнем!" Хору (с такими солистами) легко

докричаться до "атомки" против "советских янычар..." (Там около 19 миллионов состоят в партии, а около 40 в комсомоле). Написанное пером, потом не вырубить топором.

Кроме народной мудрости полезно пользоваться общепризнанными авторитетами, по принципу: "у себя же и займем". Послушаем Петра Аркадьевича Столыпина: "... Я буду просить позволения не отвечать на другие слышанные здесь попреки. Мне представляется, что когда путник направляет свой путь по взвешанным попутным огням. Поэтому я старался изложить только сущность, существо действий правительства и его намерения..." (Государственная Дума 3-6-07). Выходит: государственно мыслить это значит, уметь отделять первостепенное от второстепенного, реальное от фантастики, насущные задачи сегодняшнего дня от забот и хлопот послезавтрашнего.

"Не печитесь бо об утрени" и "довлеет бо днесь злоби его" — премудрость вечная. Необходимо не только не "отвлекаться встречными попутными огнями" и огоньками, но и не распыляться зря. Для успеха (например в пустыне) необходимо не быть чудачком одиночкой, а найти попутчиков, спутников для самой тяжелой части пути. Потом, в оазисе можно обсудить и решить: как дальше? Какие цели общие и где начинаются задачи особые, свои. Но в тяжелом пути легко может оказаться — сговорившись — что и цели-то почти те же; что одни и те же цели называли лишь по-разному. Казалось бы, не к чему говорить, что споры и склоки по дороге приведут к топтанию на месте, теоретически это ясно. Практика 70-ти лет это трагически подтверждает. Вот приходится начинать, как бы, от нуля. Одно ясно: необходимо взаимопонимание. Как снаряжаться в путь?

"Химерические планы" (по Г. Садыкбаеву), могут попасть действительно не в те руки:

Не всякий вас, как я, поймет
К беде непытность ведет...

(дельный совет Онегина)

Поэтому не будем уподобляться попрыгушкам — это и для стрекоз не всегда по сезону. О. Бартенев начал дискуссию, дал канву. Казалось бы, ее и продолжать. Там короче, собраннее. В признанной им некоторой "сумбурности" виноват не столько он, сколько общий недуг и общая "запутанная путаница"; как дойти в это счастливое после? Это сказочное после, когда можно будет что-то, не решать — а предлагать для решения освобожденному народу. Хорошо у О. Бартенева, что его не увлекают материалистические схемы на сей раз — в

отличие от коллективизма — построенные на эгоизме. После общей нужды по социалистическому принуждению, такая реакция вполне логична и по-человечески понятна: люди хотят просто нормально пожить. На Западе за многие века свободной общественной и экономической жизни уже прочно утвердились "правила игры" для спроса и предложения, построенные на укрощенном эгоизме, и если хотите, эгоизме подятом на социальном уровне. Иван Лукьянович цитировал в "Духе народа": "Gemeinnutz vor Eigennutz" — "общая польза перед частной пользой". Этот вполне достойный, казалось бы, лозунг может стать пагубным, если будет оторван от Десяти Заповедей и христианской морали. Раповое безумие нацистских вождей строило свой "тысячелетний рейх" на этом принципе, ограничивая его благие действия в рамки собственной нации и расы, но за счет других народностей и наций. Нам, славянам, и не славянам российской нации, евреям всех оккупированных стран, цыганам и другим жертвам этого антихристианского режима, без лишнего слов ясно, что зло этого коллективного эгоизма было в его нарушении Божьих законов.

Даже и "капиталистический эгоизм" освещать не приходится. Например, кто-то считает эгоизм данным свыше, чуть ли не христианской добродетелью, по простоте душевной, наверное (из "Редакционной почты", "Н. С." № 1888). Не труднее доказать, на примерах недавней истории, что шкурный эгоизм — начало всех наших тупиков и бед, но только не надо было перескакивать с более реального (положений О. Бартенева) в область "химерическую", с множеством разных мнений и толкований: как делить десятки далеких медведей и их шкуры. Позволю себе предложить Редакции вернуться к теме О. Бартенева, заморозив анализ "химерических планов", пока не услышим заветное слово, которое открывает Сезам в "после". Пока будем помнить мудрое самоограничение А. И. Солженицына. Ведь и "шапок", которыми собираются закидывать мир еще никто и шить не начинал. Неправильно поставленные вопросы к добру не приводят. Вспомним, как госпожа Простакова сетовала на Цифиркина, что он там учит правилам вычитания и деления, забывает мозги Митрофанушке. Дело гораздо проще, чего делить — "бери все Митрофанушка". На то она и была госпожой Простаковой.

Дискуссия опасна уже потому, что в ней появляются такие перлы: "С какой же стати будущая Россия, при заключении союзов и договоров, стала бы сотрудничать

с нашими худшими и извечными врагами и соперниками англичанами и американцами?! Дай Бог с ними жить в мире". Для того чтобы жить в мире, как раз нужна договоренность и сотрудничество.

Действительно, были в истории важные моменты, когда Британская Империя вредила интересам Империи Российской. Но были и моменты плодотворного сотрудничества. Например, под Наварином в 1827 году английский адмирал Кодригтон командовал союзными силами — английской, французской и русской эскадрой адмирала Гейдена. Эта помощь Греции было исключительно важна для освобождения.

Император Петр Великий был единственный иностранец, которого когда-то англичане пригласили командовать судами британского флота. А почитание Суворова адмиралом Нельсоном? К таким историческим примерам плодотворного сотрудничества следовало бы подойти "профессиональнее", во всеоружии исторических фактов. Как у нас были англофилы, так и в Англии были друзья и ценители исторической России и ее культуры.

С США у Российской Империи не было никогда вооруженных конфликтов. А было более или менее постоянная дружба. Было сотрудничество при продаже Аляски.

В трагические годы массового голода, разве не помогла Северная Америка нашему народу, под бо- шевичким ярмом: сотням тысяч выжить, а миллионам питаться. А сколько наша российская эмиграция дала США во всех областях науки и искусства? Зворыкин, Тимошенко, Ипатьев, Сикорский, Северский... эти три последних имени уже прекрасная тема для первой дружеской встречи воображаемых Чарли Браунов с нашими Вяжками Мишами... Юркевич, Кистяковский, Леонтьев, Сорокин — десятки лет до ЭИДСА предупреждавший общественность США об опасности и последствиях сексуальной революции. Скажут, глас вопиющего в пустыне социолога, если пасторы пропагандируют презервативы... Но тем больше была заслуга социолога, его значение. Стравинский, Кусевский, Хоровиц, Балабин, теперь Барышников... это целый клад научного и культурного богатства (под стать материальным сокровищам Аляски). Тут опять нужно подойти "профессиональнее", с бухгалтерской педантичностью, чтобы никого не забыть, чтобы воспоставить доброе имя нашего народа, который, при поверхностном или предвзятом подходе, многим представляется пугалом. Забывается, что именно наш народ первая и главная жертва красной диктатуры.

А. ПАНЧЕНКО

ЛЕОНИД БАРАТ-БАРАНОВ

ВОЗВРАТ К СОБСТВЕННОЙ БИОГРАФИИ

Оказалось, что русский человек, несмотря на 70 лет антинациональной власти, не пожелал бежать в свое время В. Розанов, подставляя на место мотивов из нее — мотивы чужих биографий. Возврат к источнику национального самосознания, живому и благотворному ("Отцами своими надлежит гордиться и духу дел их подражать"), устремление к единственному национальному развитию и к неискаженному пониманию старой России — родины всех великих ценностей, созданных русским народом, вот что в настоящее время является лейтмотивом мышления многих русских людей в Советском Союзе.

Однако для определенных общественных кругов, как в Советском Союзе, так и на Западе, это новое умонастроение русских людей по отношению к своему прошлому, является доказательством "известного русского империализма, шовинизма и антисемитизма". Все сводится к тому, что основными чертами русского национального возрождения в Советском Союзе голословно объявляется нетерпимость к другим народам, а его последователи — это "русские фашисты", одержимые антисемитизмом и теориями вселенского заговора. Собрания русских людей в Советском Союзе — как например, общества "Память" — выступающих против царящего уже 70 лет обезличивания жизни русского народа, объявляются его врагами "уродливыми и отвратительными сборищами" только потому, что на этих собраниях открыто и *поименно* называются те, кто взрывал православные храмы, уничтожал национальные святыни, глумился в печати над тем, что составляло смысл существования для десятков русских поколений.

Казалось бы, какой культурный человек может не признавать сегодня права за русскими помнить, что какие-то определенные люди, в пылу проведения своей "культурной" революции, истерически захлебываясь, вопили с пеной у рта "Долой Пушкина!", запретили издавать "реакционера" Достоевского, были ответственны за невиданный в истории погром русской культуры и православия. Но нет, не признается за русскими этого права — помнить, разобраться в причинах и именах: пример тому — отношение самых, казалось бы, разных журналистов к небольшой группе русских людей в стране, робко поднявшей голос в защиту народной памяти, памяти об историческом и культурном прошлом русского народа, группе людей, осмелившихся осмысливать это прошлое и высказывать свое мнение. Мутный поток поношения их первых попыток деятельности сразу же возник и в советской, и в западной прессе.

Для врагов русской национальной памяти осмысливание прошлого России — уже "параноическое" мышление. "Крутой, взрывоопасный замысел". Именно так оценивает это один из комментаторов западного радиовещания для слушателей в Советском Союзе. Не отстают от своих западных коллег и советские недоброжелатели национального возрождения. Так, газета "Советская культура" называет группу защитников национальной памяти "самозван-

ными радателями национального духа".

В газете "Известия" некий Г. Алимов и Р. Лынев в статье "Куда уводит "Память"?", стараясь внешне сохранить якобы научно-объективный метод изложения, на самом деле всем тоном изложения высказывает насмешку над тем, что для описываемых ими людей является священным. Авторы статьи, будучи гостеприимно приглашенными в чужое жилище, потом детально описывают, что им удалось там подсмотреть, — и все это для разоблачения уровня интересов пригласившего их: по стенам висели "иконы, картины, старые фотографии, включая царских особ и Столыпина — да, да, того самого, оставившего о себе в народе память галстуками-виселицами". (В "народе"? — Л.Б.). Авторы не забывают также указать, что на столе был и открытый том Ленина, — полное "разоблачение" хозяина дома! Ведь сами-то авторы отлично знают, как часто приходится им всем подряд для страховки начатого дела запастись цитатами из коммунистических катехизисов.

У Г. Алимова и Р. Лынева все средства оказываются хороши, если они годятся для заданной цели: сравнив объединение "Память" с "Союзом русского народа", тут же охарактеризовали патриотов злобными словами, высказанными, как известно, в пристрастии, политическим деятелем эпохи думской монархии С. Витте: "Эта партия — патриотична до глубины души, но ее патриотизм примитивен, он основан не на разуме и великодушии, а на страстях. Большинство ее руководителей — это политические выскочки с несчастным образом мышления и чувствованиями". Итак, здесь советским журналистам пристало цитировать даже "царского министра", чтобы якобы прояснить и прошлое, и настоящее русского патриотизма.

Похлеще и даже с какой-то затаненной, но явно проступающей между строк ненавистью пишет о "Памяти" Е. Лосото ("В беспамятстве", "Комсомольская правда", от 22 мая 1987 года). Уже само название статьи сразу открывает отношение автора к феномену русского национального возрождения. Прежде всего Е. Лосото указывает, как следует на самом деле понимать тему: "Новый советский патриотизм Ленин определял так: социализм как отечество". Для нее прошлое русского народа едва ли достойно хоть какого-то уважительного тона. Это был патриархальный патриотизм страны, совсем недавно населенной огромными массами сплошь неграмотных крестьян, веками веривших в Бога и царя и веками сваливавших все зло на черта и иноверца". Автор особенно обеспокоен тем, что патриотизм, движущий "Память", в котором православие и отечество занимают ведущую роль, может в мгновение ока обратиться в национализм. В отличие от авторов статьи "Куда уводит "Память"?", Е. Лосото не претендует на некую объективность и рубит сплеча. Особенно ненавистно ей православие, которое в системе ценностей участников "Памяти" занимает, как мы можем предположить, большое место. Лосото вводит читателя "в курс дела". Она пишет "клерикальная идея "православие как

отечество", вытесняет пролетарскую формулировку "социализм как отечество". Предметом гордости страны объявляется не Октябрь, благодаря которому мы идем первыми, впереди всех в мировой социальной практике, а православие".

Трудно для русского человека оставить без внимания и другую цитату из статьи Е. Лосото о роли православия в истории России. "... А все православное "святое"! Потому и точка отсчета 1917 год. Он действительно поворотный, в том числе и для "святого". Он действительно выбил "святое". А если православие считать нашей историей, то да, на самом деле выбили из-под ног и правильно сделали".

Для Лосото все храмы и другие памятники исторического прошлого России это лишь только "гнезда клерикальной реакции". К слову, в ее статье изобилуют почему-то слова "клерикальное", "клерикальная", которые неправильно применяет к православию. Своего рода "эсперанто", который Лосото, как и ее единомышленники и в Советском Союзе и на Западе выдают за "литературный" язык.

Е. Лосото считает своим долгом отстоять "светлую память" Кагановича, Лазаря Моисеевича, от нападков "Памяти", обвиняющей его в "сокращении количества церкви в Москве", и председателя Союза воинствующих безбожников Ярославского (Губельмана) вдохновителя кощунств, особенно направленных против православия. Однако это факты, которые никак не утаишь.

Советских борзописцев беспокоит, что не только участники собраний этого общества болеют за историческую память русского человека, но и многие другие, "простые" и непорочные люди из разных слоев общности, не имеющих к этому объединению никакого отношения. Вот что пишет в статье "Прозрение" о фильме "Покаяние" Борис Васильев ("Советский экран", № 6, 1987): "И здесь для меня символ переплетается с реальностью в единую вязь: я вспоминаю другой храм, взорванный в другом городе по другому приказу. Некогда он возвышался над Москвою-рекой, венчая собою Бульварное кольцо. Храм Христа Спасителя был памятником Отечественной войны 1812 года, строился на добровольные пожертвования, а в коридоре, что опоясывал грандиозное здание, на мраморе запечатлены были важнейшие события войны и имена павших в боях героев. *Имена*. Это был Вечный огонь благодарной памяти народной спасителям отечества нашего, но *реальный* Варлаам Аравидзе развеял в прах и память, и благодарность, и имена героев..."

И дальше с горечью пишет Борис Васильев: "Превратив церкви в керосиновые лавки, склады, а то и просто в отхожие места, разместив в монастырях тюрьмы и колонии, мы вдруг спохватились и начали спасать уцелевшее. Но спасали лишь здания, а потому и воскресили их как декорацию..."

О храме Христа Спасителя Е. Лосото может так походить, равнодушно "сожалеть": "Жаль храма, жаль тем более, что уничтожение его не было вызвано требованием революционной обстановки, а недомыслием, непони-

манием прекрасного". А "требования революционной обстановки, оказываемая, — достояние основы культуры этих "представителей культуры для разрушения".

Они не способны понять, что стремление разобраться в своей истории, воспользоваться опытом многих прежних поколений — для всех народов положительное явление, тем более, когда историю у народа выбили из-под ног: "Если глянуть на календарь, то до 17-го года на нашей земле был ледниковый период или целина", — как высказался один из участников объединения "Памяти".

Интересно же особенно, как трогательно перекликаются в осуждении "Памяти", в вопросе возмездия русского национального самосознания некоторые комментаторы радиостанций для слушателей в Советском Союзе, западные журналисты — и их советские коллеги. Тут почти неслыханное единомыслие: русский человек, если он рассматривает православие как необходимый и положительный фактор существования народа и государства в прошлом и будущем, становится этим журналистам первым врагом и объявляется заодно врагом других народов, причем тут не брезгают подменой фактов. Например, называют в качестве источника влияния советскую агитационистскую пропаганду и многое присоединяют еще к этому, чтобы исказить облик народа и его психологию.

Их приводит в негодование, что теперь, после всего испытанного за десятилетия чужеродной власти, можно услышать громко произносимые слова: "Да, я русский и этим горжусь. Я никому не мешаю быть тем, чем он желает быть, с дружелюбием и полной терпимостью я отношусь к каждой вере, каждой национальности на Руси, но я хочу у себя на Руси быть русским и только русским — по вере, обычаям, по всей моей жизни".

Именно вот это желание быть русским приводит в негодование и Лосото и западных радиоконментаторов: русский народ, проникнутый русским сознанием, заговорил *по-русски*, и этому свидетельство — храмы, наполненные молящимся народом, растущий интерес к историческому прошлому родной земли у молодого поколения (о чем пишет и Лосото) и у некоторых подсоветских писателей. Но для противников народа это "зоологический национализм", "квасной патриотизм".

Что ж, их ждет глубокое разочарование, поскольку они не понимают или не желают понять, что остановить этот начавшийся процесс уже нельзя: таков ход событий, и теперь они не властны его изменить. И какими бы мрачными красками авторы вышеназванных статей ни чернили объединение "Память", как бы злобно не обвиняли его в нетерпимости к другим народам России, все же объединение это — при всех его ошибках — фактом своего возникновения отражает желание части русского народа — желание возврата к национальным истокам.

ЛЕОНИД БАРАТ-БАРАНОВ

А. ФЕДОСЕЕВ

ВОПРОСЫ В. ЛЕШИНА

В № 1923 "Н. С." появилась очень содержательная и интересная статья В. Лёшина о кооперации в России и в СССР. В. Лёшин считает, что кооперация должна в будущей России охватить все хозяйство страны за исключением, видимо, тяжелой промышленности. Статья убедительна и содержит много интересных фактов. Именно поэтому статья вызвала у меня ряд вопросов, на которые хотелось бы получить ответ.

В конце статьи В. Лёшин пишет, что развитие кооперации и есть осуществление того, что А. Федосеев называет социальным равновесием. Поскольку это утверждение является недоразумением, я должен сделать и свое разъяснение.

Первый и очень важный вопрос: *будет ли кооперация в будущей России возникать свободно или ее будут насаждать с помощью государственных декретов и специальных льгот?*

В. Лёшин пишет, что "Новая Россия должна немедленно принять в основу жизни кооперирование населения", то есть кооперация будет насаждаться (?). В. Лёшин пишет, что кооперация обеспечит России процветание. Это и может служить оправданием тому, чтобы насаждать кооперацию. Однако, чтобы обеспечивать процветание страны, кооперация должна быть экономически эффективной, то есть высокопроизводительной и прибыльной. Без прибыли не построишь ни ферм, ни заводов, ни даже мастерских, и, конечно, не распространишь на всю Россию. Это все требует огромных вложений, которых без прибыли не будет. Без расчета на прибыль и кредита не получить.

В то же время В. Лёшин настойчиво пишет о необходимости "финансовой и моральной поддержки и сочувствия государства". Моральная поддержка и сочувствие — одно дело, а финансовая помощь — совсем другое. Видимо, В. Лёшин сомневается в том, что кооперация будет достаточно производительной и, следовательно, прибыльной, чтобы обходиться без финансовой поддержки государства. А у государства своих денег нет. Оно пользуется деньгами населения через налоги. Следовательно население будет вынуждено содержать кооперацию частично за свой счет, а это процветанию никак не способствует. *А если кооперация не способствует процветанию, то для какой другой цели она нужна?*

Нужно сказать, что сомнения В. Лёшина вполне обоснованы. Кооперация, как форма производства и распределения существует тысячи лет. Существовали в царской России и существует везде на Западе и в остальном мире. Однако нигде и никогда она не играла "главной роли в жизни", как этого хочет В. Лёшин. Конечно, В. Лёшин вполне прав, когда пишет, что кооперация, то есть коллективная собственность, много производительнее, чем государственное хозяйство, то есть тоже коллективная, но государственная собственность. Однако, кооперация всегда была и есть менее производительна, чем предприятия частных "эксплуаторов". Видимо, этот факт В. Лёшину известен и вызывает у него сомнения и его предположение о необходимости субсидирования кооперации государством.

Вот американские данные, под-

тверждающие сомнительность кооперации в качестве достаточно производительного способа ведения общественного хозяйства страны:

В 1978 году в США было:

Частников — 10.874.000, которые, в среднем, имели прибыль — 14 %, Партнерств — 1.062.000, — 6,5 %, Корпораций — 1.966.000, — 4,7 %.

В условиях свободного рынка величина прибыли есть прямая мера производительности фирмы. Эти цифры прибылей показывают, что один хозяин (частник "эксплуатор") работает много (14 % вместо 6,5 %) лучше, чем когда хозяев двое или больше. Именно поэтому статистика и не выделяет кооперативных предприятий, что они не смогли завоевать себе значительного места в общественном хозяйстве.

Англия со времен Роберта Оуэна является классическим примером кооперации. Однако, инициатива Оуэна полностью заглохла и кооперация в Англии существует, но никакой существенной роли в хозяйстве страны не играет. Бывают случаи, когда какая-то фирма разоряется и ее работники покупают ее и превращают в кооператив. Обычно, не надолго. Так например, разорилась одна английская мотоциклетная фирма. Работники фирмы попросили у государства заем, получили его и образовали кооператив. Некоторое время дело шло на энтузиазме довольно хорошо, но затем энтузиазм истарился, дела пошли хуже и хуже и кооператив окончательно обанкротился, накопив огромный долг.

Те кооперативы, которые продолжают существовать, отличаются тем, что их работники мирятся с пониженными зарплатами и худшими условиями работы, чем обычные. Это и позволяет им выдерживать конкуренцию других фирм.

В Англии 3 миллиона безработных. Они бы могли создать кооперативы, так как государство охотно дает кооперативам займы (конечно, с расчетом на возврат) и часто и другие льготы. Однако, безработные продолжают предпочитать пособие по безработице.

Поставим вопрос, почему кооперативы, принципиально, менее производительны, чем частник, который, кстати, и зарплату платит больше? Первая причина: один хозяин может советоваться с работниками, но решает все сам, один. Это значит, решает быстро и несет сам полную ответственность за свои решения и действия. Уже только двум хозяевам договориться много труднее. Решения затягиваются, ответственность становится спорной. Это приводит к понижению прибыли. Когда хозяева — все работники, то есть хозяев много, достигнуть общего согласия необычайно трудно и ответственного за недостатки найти почти невозможно.

Вторая причина: все работники кооператива, включая начальников, как любые нормальные люди, хотят иметь побольше зарплаты и других благ и поменьше работы. Хозяина "эксплуатора" нет и некому противопоставить эгоизму работников и их нормальному личному интересу другой и противоположный и тоже нормальный личный интерес. Некому выжать из работников больше и лучше работы за умеренную плату. Каждый в кооперативе работает, как он считает нужным, не особенно считаясь с требованиями производительности труда. А производительность любой команды определяется производительностью худших. Частник, конечно, либо выгнал бы этих худших или заставил бы их лучше работать. В кооперативе пайщика не выгонишь и не заставишь. Поэтому и приходится кооперативам или банкротиться или платить своим членам пониженные зарплаты и иметь не очень-то шикарные условия работы. Несоциалистические государства готовы поддержать кооперативы, но не за счет займов без надежды на возврат. Не думаю, что и в Новой России публика захочет облегчить свои карманы, чтобы поддержать кооперативы с их недостаточной производительностью. (Как основу хозяйства). В. Лёшин дает некоторый намек, почему он хочет именно кооперативы. Государственное (коллективное) хозяйство, говорит он, непроизводительно, а частный капи-

тал (частник "эксплуатор"?), как он пишет, оказывает "тлетворное влияние" на крестьян. Однако, отдельный крестьянин (фермер) сам является частником, частным капиталистом (его хозяйство есть его капитал). Тут тоже нужно разъяснение В. Лёшина. Означает ли это, что по В. Лёшину отдельных крестьян не должно быть? Или "частный капитал" у В. Лёшина есть не частник, а что-то другое?

Если В. Лёшин предпочитает кооперативы не потому, что они высокопроизводительны и тем обеспечат процветание будущей России, а потому что В. Лёшину не нравятся "жадный частник" и частная собственность, вообще, то это возвращает будущую Россию в социализм. При социализме "жадного частника" нет совсем и нет частной собственности, а всё коллективное. Ленин потому и считал кооперацию путем к социализму, что она представляет собой коллективную собственность и коллективное хозяйство. При социализме нет "тлетворного влияния" частного капитала потому, что его там нет вообще. Беда только в том, что коллективная (государственная и кооперативная) собственность оказываются всегда менее производительными, чем "частный капитал" и поэтому на них процветания не построишь.

Может быть под "тлетворностью" В. Лёшин разумеет жадность и эгоизм? Так главная идея социализма и состоит в том, чтобы ликвидировать у людей эгоизм и жадность, превратив всех в самоотверженных работников, которые работают не за зарплату, а во имя служения обществу и людям. Вероятно, если бы это удалось и все бы работали не за страх, а за совесть, социализм бы действительно создал земной рай. Сейчас — совершенно ясно, что это не удалось и не может удалиться: трудящиеся и при социализме хотят того же, что и всегда — побольше зарплаты и поменьше работы, разоряя социалистическую экономику.

Впрочем, если бы и удалось превратить всех в самоотверженных, это не привело бы к земному раю. Вся история человечества есть история осуществления множества эгоистических замыслов людей. Займаться о себе, своей семье и близких, люди и осуществили этот колоссальный прогресс от пещерной жизни к нынешнему процветанию и культуре. Подумайте сами, как бы все происходило, если бы люди думали не о себе, а о всех остальных? Ведь остальные тоже думали бы не о себе и потому не нуждались бы в благах для себя. Все бы и остались жить по пещерному. Никто не был бы заинтересован в развитии общества: никому ничего для себя (и значит ни для кого) не нужно. Бог явно умнее социалистов (и эгоистов, желающих ликвидировать эгоизм), создав человека эгоистическим. Ликвидировать эгоизм, значит переделывать творение Бога. (Богохульство, не правда ли?). Потому и социализм обречен на гибель, что он идет против божественной природы человека. Другое дело — умерять, образумливать эгоизм с помощью свободного и равноправного противопоставления одного эгоизма другому противоположного направления в обществе социального рав-

ПЕЧАТЬ

ВЗБУНТОВАВШЕЕСЯ ИСКУССТВО

В весьма интересной статье "Альтернативы в советском искусстве" ("СССР: Внутренние Противоречия", № 18), А. Гершкович пишет: "читая новые повести Распутина, Астафьева, Трифонова, смотря последние фильмы Андрея Тарковского, Панфилова, Никиты Михалкова, Ларисы Шенитко и Эльдара Рязанова, спектакли Таганки не только при Любимове, но и при Эфросе, слушая песни Окуджавы и даже аполитичной Аллы Пугачевой, не можешь избавиться от удивления, как возможно такое при общем заострении режима, как это прошло через сито идеологической цензуры".

И дальше: "В 60-е годы дети уже не играли в "Чапая". Искусство, призванное создавать казенные легенды, принялось так или иначе их расшатывать и разрушать. Никакими заклинаниями партия уже не может вернуть советское искусство ко временам "Чапаева". Новый идеолог кагебист Алиев недавно выступил на пленуме Союза Кинематографистов с призывом создавать фильмы, подобные "Чапаеву", но

вряд ли кто-нибудь в зале сдержал улыбку при этих словах.

Одновременно с низложением "Чапаева" и других "красных героев" в массовом сознании происходит переоценка всего характера "белого движения", образа русского офицерства в его лучших примерах. Казенному стереотипу "Чапаева" советская молодежь предпочитает сегодня рыцарские качества его бывших врагов. С восторгом смотрели в 60-е годы многосерийный телевизионный фильм "Адыютант Его Превосходительства", в котором блистал артист Юрий Соломин, с шиком исполнивший главную роль. Герой Соломина — военный аристократ с благородными манерами и побуждениями надолго стал кумиром молодежи...

Успех "Адыютанта" Соломина развил через несколько лет любимый народом Владимир Высоцкий, возведя образ белого офицера в ранг высокой поэзии. Его порывистый и беззаветно преданный России поручик Брусенцов из фильма "Служили два товарища" переживал поражение добровольческой армии как серию роковых неудач. Подлинной трагедией с едва заметным налетом мелодрамы представляла в изображении Высоцкого история бегства его героя из России".

В. Р.

новесия. Заставить эгоизм работать таким образом на все общество, образуя и умерив его, я думаю, дело вполне божеское, угодное Богу. Иначе говоря, не будь этого "тлетворного влияния", жить бы нам всем всё так же в пещерном веке и поклоняться идолам.

Неясно у В. Лёшина и следующее. Он пишет, что кооперация должна распространиться на сельское хозяйство и промышленные предприятия, обслуживающие население. Неясно, распространится ли кооперация на тяжелую промышленность? И, вообще, будет ли тяжелая промышленность в будущей России частная, кооперативная, государственная или корпоративная? Это очень важно для его кооперативного плана. В. Лёшин совершенно правильно пишет, что монополия цены на государственные товары ограбляют крестьян и кооперацию. Хороший нынешний пример — Польша. В Польше сельское хозяйство и даже обслуживание населения, в основном, частные (в том числе и кооперативные), но совершенно задавлены монополиями ценами на продукцию неэффективной государственной тяжелой промышленности: на энергию, топливо, сырьевые материалы, удобрения, машины и т. д. Если В. Лёшин оставит тяжелую промышленность в руках государства, она задавит высокими монополиями ценами его кооперацию.

К нынешнему времени в мире накопился огромный фактический материал об относительной производительности и пользе для общества различных видов собственности. Если расположить разные виды собственности в порядке убывающей производительности и убывающей пользы для общества, получится следующая последовательность:

1. Самый производительный — частник "эксплуататор".
2. Партнерство, то есть несколько частников.
3. Корпорации, то есть акционерные компании (не государственные).
4. Кооперация.
5. Государственные предприятия и корпорации. Как правило, они работают в убыток и разоряют общество.

После долголетнего опыта все страны Запада единодушно стараются ликвидировать государственные предприятия, продавая их корпорациям. К сожалению, публика еще не осознала, что корпорации значительно менее производительны, чем частник "эксплуататор", и тоже склонны разорять общество, разделять его на богатых и бедных и портить общество и в других, в том числе в духовных отношениях.

Если заботиться о свободе граждан и об их материальном и духовном процветании, мы должны выбирать частников "эксплуататоров" и создавать сильную конкуренцию между ними, чтобы их благополучие зависело бы полностью от нас, потребителей, то есть трудящихся же. Если мы хотим не свободы и процветания, а чего-то другого, В. Лёшину следовало бы объяснить, чего именно?

Теперь о том, почему кооперация малопродуктивна и не создает социального равновесия.

В кооперативе все его работники, включая всех начальников являются

трудящимися. Наряду с множеством различных, как высоких, так и низких, мотивов для работы, они имеют общий, универсальный мотив: побольше зарплаты и других благ и поменьше работы в наилучших условиях. Являясь пайщиком, но одним из многих, человек неизбежно старается, грубо выражаясь, урвать себе побольше, а работой себя не перегружать. Конечно, трудящиеся начальники обязаны так воздействовать на подчиненных, чтобы они работали все без исключения больше, лучше и не требовали слишком шикарных условий работы. Иначе не выдержать конкуренции. К сожалению, как правило, (бывают редкие исключения) личный интерес и у начальников находится впереди служебного долга и они присоединяются к подчиненным в их стремлении урвать больше для себя. Против же личного интереса никакой общественный (пайщиков) контроль бороться неспособен. Личный интерес всегда хитрее общественного контроля. Только у частного "эксплуататора" его личный интерес может противодействовать личным интересам трудящихся и тем оказывать огромную услугу обществу, создавая социальное равновесие, а с ним материальное и духовное процветание. Только миллионы частных "эксплуататоров" способны выжать из миллионов трудящихся достаточно качественную работу за умеренную (соответствующую производительности труда) зарплату в не слишком шикарных условиях.

Конечно, если по воле случая в кооперативе соберутся все самоотверженные люди и будут работать не за страх, а за совесть, кооператив может стать даже более производительным, чем частник "эксплуататор". Беда в том, что люди есть люди и сотворены Богом быть эгоистами. Поэтому такие кооперативы представляют собой чрезвычайную редкость. Потому и социализм тоже не работает. Самоотверженных днем с огнем не найдешь, а частников "эксплуататоров" могут быть миллионы, да и происходят они, как правило, из самих трудящихся.

Таким образом, кооперация не может принципиально создать социальное равновесие: в кооперации нет частного "эксплуататора". Кооперация также лишена социального равновесия, как социализм, как государственная собственность, как корпорации. Эгоизм может быть побежден не с помощью законов или пожеланий, а с помощью свободного, конкурентного взаимодействия с другими, противоположными эгоизмами. В этом отношении очень любопытно высказывание премьер-министра Англии Маргариты Тэтчер: экономика это метод, а цель — изменить души, восстановить дух и "солидарность нации". Так и социальное равновесие есть метод, способ осуществления здоровой экономики, и его целью является победа над неразумным, жалким эгоизмом и восстановление высоких духовных ценностей народа.

Закончив, хочу еще раз просить В. Лёшина разъяснить вышеуказанные вопросы, возникшие после прочтения его интересной и содержательной статьи.

А. ФЕДОСЕЕВ

БИБЛИОГРАФИЯ

В. Танчук. "Сборник пословиц русского народа" (Милан, 1986).

Около 12.000 пословиц, объединенных на 192 страницах небольшой книжки, являются, несомненно, результатом титанического труда и образуют ценнейший thesaurus. Даже при беглом взгляде встречаешь множество поговорок необычных и широкой публике неизвестных.

Например: "Ешь, медведь, татарина; обоим не надобно"; "Хорош тот, кто поит да кормит, а и тот не худ, кто хлеб-соль помнит"; "Хоть и богослов, да не однослов"; "Худой роже доброе сердце красу придает"; "Лихо думаешь, Богу не молись"; "Лих медведь, да своих детей не ест".

Но если содержание богато и разнообразно, — отбор и способ расположения наводят на серьезные сомнения. Пословицы расставлены все по алфавиту, с делением только по начальным буквам. Поэтому читать их весьма утомительно (да еще и мелким шрифтом...). Думается, разбивка их по сюжетам представляла бы значительно большее удобство для читателей.

Отыскать, скажем, изречения, относящиеся к какому-либо определенному предмету, — трудная задача. Положим, если кто захочет узнать мысли русского народа о Боге или о правде, то легко найти начинающиеся с этих слов пословицы; но ведь не всегда главное слово бывает поставлено на первое место!

Поговорки тут собраны всякого рода, включая неприличные и аморальные. Правда, автор, выказывая хороший вкус, непристойные слова заменяет многоточиями. Все же неприятно, когда такие сентенции стоят рядом с другими, взятыми из Библии и Евангелия, или хотя бы из глубины народного духа, и выражающими подлинно высокие нравственные идеи.

Опять-таки, группировка с учетом источников имела бы здесь немалое преимущество.

В особый отдел отнесены восточные изречения в переводе на русский язык. Можно бы спросить, почему именно и только восточные? Но это уж, в конце концов, — воля автора. Он, впрочем, поясняет, что питал сперва намерение составить свод пословиц всего земного шара, но потом отказался от такого по истине грандиозного плана.

В одном месте он не вполне точно называет данные пословицы иноязычными. Такой термин подходил бы лишь тогда, если бы речь шла о

пословицах народов России. Однако составитель вышел далеко за пределы сих рамок. Как он сам указывает, им: "Использовались переводы с казахского, арабского, японского, карельского, мальгашского, вьетнамского, азербайджанского, туркменского, армянского, финского, персидского, аварского, якутского, татского, даргинского, тибетского, удмуртского, кумыкского, ногайского, марийского, амхарского, монгольского и других языков мира".

Предполагаем, что монгольский есть опечатка вместо "монгольского". Заметим тоже, что финский и карельский языки вряд ли допустимо именовать "восточными".

Среди этих пословиц тоже есть немало интересных и неожиданных. Например: "Большая удача, вызывает много мелких неприятностей"; "Без надежды один дьявол"; "Опытный дьявол лучше неопытного ангела".

Но, слается, здесь еще бы нужнее было иное и более четкое расчленение. Помимо расположения по темам (тут бы тоже применимого), пословицы бы выиграла, если бы их сгруппировать по их происхождению. И, во всяком случае, даже разнося их по алфавиту, следовало бы указывать о каждой, с какого она языка переведена, у какого народа бытует.

Отсутствие при них подобных пометок сильнее всего уменьшает их познавательную ценность. Иногда бывает возможно сделать кое-какие заключения по их содержанию. Скажем, такая: "Два дервиша на одной подстилке ютятся, два шаха и на всей земле не уместятся" явно принадлежит к сфере мусульманской мудрости; а такие как: "Чтобы стать Буддой, надо сначала в монахах походить" — к сфере мудрости буддийской. Но часто — нельзя угадать совсем ничего.

А что сказать вот о такой: "Голову мою ест вошь, а мою всю жизнь съедает русский"? Ясно, она не относится к числу общечеловеческих; навряд ли может быть мальгашской или амхарской. Очевидно, она создана каким-то отсталым племенем Российской Империи, в определенный хронологический период. Но как раз этническое и историческое ее значение исчезает, ибо мы не знаем, с какого языка она переложена!

Одним словом, в отношении расположения (а отчасти и отбора) материалов, выразим пожелание, чтобы составитель при последующих изданиях (которые, надеемся, будут) пересмотрел бы и обстоятельно продумал бы свою очень в общем полезную работу.

Владимир Рудинский

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Национальная, внепартийная, общественная еженедельная газета, издаваемая в городе Сан Франциско, США с августа 1921 года.

Редактор — А. А. Соллогуб

Подписка на 1 год — 60.— долларов, на полгода — 35.— долларов, на 3 месяца — 20.— долларов.

Подписку направлять по адресу: 2460 Sutter Street, San Francisco, CA 94115 USA.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основанная 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилиями или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются. Цены за экземпляр газеты:

Австралия — 0.80 ам. долл.; Германия — 1.80 н. м.; Франция — 5 фр.; Италия — 1100 лир; США — 0.80 ам. долл.; Аргентина — 0.80 австр. В остальных странах — 0.80 ам. долл. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку — стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выставляются на Miguel Kireeff. Просьба не делать банковских и почтовых денежных переводов. "NASHA STRANA" —

"NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Fundado 18 de setiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Bs. As.

Correo Argentino
Sucursal 30 (B)

Franqueo pagado. Conces. No. 4233
Interes General. Conces. No. 3980